

Реальный социализм. Выход из тени

© Оганисьян Ю. С.

© Oganisyan Y.

Реальный социализм. Выход из тени

Existing socialism. Exit from shadow

Аннотация. Подчеркивая всемирно-историческое значение Октябрьской революции, автор показывает, что она своим влиянием увела в тень все иные социалистические проекты (социал-демократические, религиозные, национальные и т. д.) и сама скрылась в тумане догматической идеологии. Минувшее столетие показало, что реальный социализм отнюдь не сводится к советскому типу социальности. Он идеологически разноцветен и политически многообразен. Обоснован вывод о несостоятельности либерал-реформизма в противодействии как революции, так и воздействию ее негативных последствий на жизнь постсоветского общества.

Annotation. The author emphasizes epochal Russian revolution as well as advances an idea that the influence of this revolution put into the shade other socialist projects (social democratic, religious, national etc) which led to its disappearance within dogmatic ideology. The previous century after revolution proves that existing socialism is not only limited to the sociality of Soviet type. It is ideologically multicolored and politically multiform. In this article the author justifies the conclusion of liberal reformism failure as the weapon against the revolution as well as describes its negative impact on the life of post-Soviet society.

Ключевые слова. Дискурс, капитализм, революция, большевизм, социализм, насилие, либерал-реформизм, социальная справедливость.

Key words. Discourse, capitalism, revolution, bolshevism, socialism, violence, liberal reformism, social justice.

Столетие, которое открыл 1917 г., ознаменовано двумя чрезвычайными событиями, изменившими мир: Октябрьской революцией и крушением Советского Союза. Второе неотделимо от первого. Уклоняясь в объяснении их взаимосвязи от морализирующей социологии, посмотрим на них проще — через выяснение реалий объединяющего их исторического процесса и его влияния на социалистический дискурс. Этот процесс показал возможность освобождения людей от эксплуатации, прочих форм угнетения и реорганизации общества на основе социальной справедливости. Однако он явил и другое: ужасы гражданской войны, деспотическую диктатуру, подавление властью всякого инакомыслия.

ОГАНИСЬЯН Юлий Степанович — ведущий сотрудник Института социологии РАН (г. Москва), профессор, доктор исторических наук.

Неолиберальными противниками социализма признается только лишь мрачная сторона советской истории. Они отмечают юбилей поминальным ликованием по поводу кончины порожденного Октябрем социализма.

Казалось бы, для тризны по социализму есть убедительные аргументы. С развалом СССР рухнул и советский общественный строй, а вместе с ним — и подобные режимы в других странах. Ренегатство правивших в них компартий, дискредитация социалистической идеи в общественном сознании, соблазны западного образа жизни довершили дело. Выходит, по логике и по понятиям либералов, Октябрьская революция — просто роковая случайность, хилиастическая катастрофа, вспышка мирового зла, вырвавшая страну из истории. По той же логике с социализмом покончено раз и навсегда. Предлагается заклеить и забыть его как страшный сон.

Социалистический дискурс зачинался с размышлений о проблеме социального неравенства. Платон мудро рассудил: «Богатство развратило душу человека роскошью, бедность вскормила страданием и довела до бесстыдства» [13. С. 381]. Аристотель связывал решение проблемы с социальной справедливостью, понимаемой как превосходство общего блага над личным. «Желанно, — учил он, — и благо одного человека, но прекраснее и божественнее благо народа и государства» [1. С. 410]. Таков античный ответ неолибералам, которые неизменно ставят личный интерес выше общественного. Этика Нового завета соединила социализм с христианством. По концепции С. Н. Булгакова, между ними возникла связь, благотворная для обеих сторон: «Христианство дает для социализма недостающую ему духовную основу, освобождая его от мещанства, а социализм является средством для выполнения велений христианской любви, он исполняет правду христианства в хозяйственной жизни» [4. С. 227].

Потенциал социализма накапливался, таким образом, многими столетиями. Он развернулся в исторический процесс, идеологически разноцветный и политически многогранный, охвативший многие страны и народы. В этом процессе социализм в СССР — лишь одна из социальных реалий, хотя и значительнейшая, которая взорвала существовавший миропорядок и открыла новые горизонты общественного прогресса. Вместе с тем победа революции и строительство социализма затмили — с помощью гигантского пропагандистского аппарата, через влияние на международное коммунистическое и демократические движения — все иные социалистические доктрины, проекты, организации, отброшенные «научным коммунизмом» на обочину «столбовой дороги» социального прогресса.

Возник мир теней, созданных догматизированным марксизмом. Социал-демократы стали «социал-фашистами»; анархисты, троцкисты, ревизионисты и прочие уклонисты — «прислужниками капитализма»; немарксистские течения социализма — асоциальными эманациями буржуазности. Но и советский проект, взявший на себя монопольную роль наставника и проводника социализма, оказался в еще более густой тени собственной идеологии.

Социализм без берегов. Вопрос для дискурса?

Скоротечный распад общественного строя, банкротство его идеологии в странах «социалистического содружества» высветлили социально-политическую картину мира. Социализм вышел из тени. Он открылся как всемирно-историческое явление, многообразное по содержанию и разноликое по формам. Стало ясно, что социальность советского типа — скорее особый случай, чем общая закономерность в истории социализма, отнюдь не ее «конец», а один из тупиков на ее пути. Минувшее столетие не стерло социально-политические последствия Октябрьской революции. Они материализованы ныне в жизни четверти человечества, которую составляет население социалистических по своей сути Китая, Северной Кореи, Вьетнама, Кубы. За социализм по-прежнему борются коммунистические и другие левые партии в десятках стран мира. Более или менее заметные позывы к социализму обнаруживает политика многих развивающихся стран.

Пример общественных преобразований в СССР повлиял — и позитивными, и негативными своими сторонами — на социальное обновление стран развитого капитализма. XX в. показал, что движение в этом направлении возможно не только на путях революции. Социальное государство в Швеции, Германии и в других западных странах — внушительный результат этого обновления. В мире активно действует наследник — Социнтерн, объединяющий полторы сотни политических партий из большинства стран мира, включая РФ («Справедливая Россия»), программы которых связаны с социализмом.

Явное влияние социалистических идей испытывает буржуазный реформизм, включая авторитарный. Социалистические идеи просачиваются в него если не прямо, то интенционально и имплицитно через популистские программные установки. Буржуазный реформизм еще в XIX в. уперся в социалистический проект, каковой со всевозможными вывихами исполняется и поныне (революционно или латентно) в разных странах. Морально-этические границы? Какой же социалист, одержимый властолюбием, споткнется о них? Показательный пример в этом плане — карьера Муссолини, видного европейского социалиста, ставшего родоначальником итальянского фашизма.

Сегодня невозможно точно определить пределы влияния социализма на общественное развитие. Оказалось, что мир переполнен социализмом в самых разнообразных его проявлениях — целостных и фрагментарных, подлинных и мнимых. Существуют ли непроницаемые для него границы? Да и стоит ли их искать, если уж давно обветшали, размылись изначальные смыслы понятий «капитализм» и «социализм»? Задаются ли этими вопросами бывший президент США Барак Обама, по имени которого в международный дискурс вошло понятие «обамовский социализм», связываемый с решением проблем здравоохранения, экологии и миграции? Если всерьез озадачиваться подобными вопросами, недолго причислить к социалистам и Д. Трампа, а США — к странам социалистической ориентации. Ведь в инаугурационной речи президент выступил в защиту интересов простых американцев и за ликвидацию господства правящей элиты Вашингтона.

Не стоит утрачивать в дискурсе политические ориентиры. У социализма все же есть берега, на которые он только накатывает.

Эпоху идеологических конфронтаций сменила эпоха идеологического хаоса. Дискурсом сегодня правит политкорректность, которая допускает сочленение непримиримо враждебных некогда идеологий и легкую смену несовместимых в прошлом политических брендов. Вещи выступают тут под чужими именами. Их суть теряется в фантомах и симулякрах. Эти идеологические перевоплощения объективно обусловлены формированием нового типа социальности, который образуется в процессе повышения роли государства в социальной защите неимущих, роста заинтересованности власти и бизнеса в общественной согласии и политической толерантности, подъема правозащитного, экологического, антиглобалистского и иных движений, перехвативших у коммунистов лозунг борьбы за социальную справедливость. Осмысливая эти перемены, американский социолог Д. А. Александер выдвигает концепцию «дедифференциации», которая трактует их как «опасную подмену сложности переустройства мира очистительным эффектом силы. Тенденцию к замене беспорядочности и катавасии реальных обществ единым всеохватывающим радикальным сообществом» [24. Р. 585].

Эта концепция органично вписывается в современный дискурс, который, по мнению В. М. Розина, может трактоваться как инструмент произвольных общественных преобразований, «если не революций», ловкое прикрытие нового эгоизма или «иллюзорная форма сознания, не ухватывающая божественного провидения (религиозный дискурс), или, наконец, конформистская констатация сложившегося положения дел» [17. С. 50].

Описанная ситуация отражает происходящий в мире симбиоз разнородных социально-политических явлений, сливающихся в гибридные войны, «цветные революции», синкретические идеологии, которые к тому же взаимодействуют через сетевые структуры. Всеобщая гибридизация вторгается в жизнь социумов, превращая их в симбиозные образования, совмещающие капиталистические и социалистические уклады их бытования, — как это произошло в России и происходит в Китае. То же самое наблюдается — в специфических формах — в странах, режимы которых относили в свое время к «социалистической ориентации». Не осталась в стороне от этих перемен и политическая этика. Принципы христианской морали соединяются в ней с циничным прагматизмом, что позволяет ей оправдывать произвол правящих элит.

После окончания «холодной войны» противоборство двух социальных систем расщепилось на противоречия — геополитические, цивилизационные, конфессиональные, ценностные. Наиболее остро они проявляются в тех странах — бывших советских республиках и в социалистически ориентированных в прошлом государствах на Ближнем Востоке и в Африке, — где в последние десятилетия сформировались гибридные социумы. Именно в этих регионах вспыхивают «цветные революции» и гибридные войны. Именно здесь чаще всего сталкиваются интересы бывших соперников по конфронтации. Быть может, она перешла в латентное состояние?

Социальные императивы русской революции. Либеральная альтернатива

Имеет ли отношение к названным трансформациям Октябрьская революция? Безусловно. Прямое — в первой половине минувшего столетия, и опосредованное — через развал ее детища, СССР, в последней четверти века, что, как отмечалось выше, раздвинуло видимые пределы социалистического влияния, подлинного и симулятивного. Уже только поэтому нелепа трезна по социализму, справляемая ныне отечественными либералами, с точки зрения которых всякая попытка объективно оценить причины и значение Октябрьской революции неприлична и мракобесна. Нетерпимость к инакомыслию — их родовое свойство. Вспомним Достоевского: «Никогда наш либерал не в состоянии позволить иметь кому-нибудь свое особое убеждение и не ответить тотчас же своему оппоненту ругательством, или даже чем-нибудь хуже...» [7. С. 246].

Отстраняясь от апологии социализма (равно как и от критики его очернителей), трудно принимать всерьез противопоставляемую ими альтернативу Октябрю, исполненную сослагательно. В чем ее суть? Российская история обошлась бы без ужасов гражданской войны и кошмаров тоталитаризма, если бы вместо революционного состоялся мирный переход к обществу, основанному в этом случае на всеобщих выборах, равенстве граждан перед законом, свободе мысли и слова и прочих либеральных ценностях. Кто же станет отвергать желательность подобного перехода?

Беда в том, что всякий раз, когда либералы обращают свои ценности в политические лозунги и программы, их реализация не выдерживает испытание практикой, а то и оборачивается потерями для страны, вполне сопоставимыми с бедствиями революции. Российский либерализм породил не только таких гуманистов и демократов, как Радищев, Сперанский, Чичерин, Михайловский, Струве, но и таких радетелей за народное дело, как террористы «Народной воли», анархисты батеньки Махно, белогвардейские каратели. А откуда взялись прекрасодушные в юности вожди революции, вошедшие в историю под псевдонимами Ленин, Троцкий, Сталин с их идеологическими догмами, «красным террором» и политическим деспотизмом? А не их ли наследниками явились вскормленные советской номенклатурой либерал-реформаторы, которые, если судить по катастрофическим для России результатам их деятельности, более близки по своей экстремистской политике к большевикам, чем к дореволюционным либералам? Кто докажет, что «военный коммунизм», с которого начались социалистические перемены, обошелся России дороже, чем грабительское «первоначальное накопление» дикого капитализма? Чем, собственно, наши либералы, намеревавшиеся капиталистически перестроить социализм за 500 дней или за несколько лет, отличаются от левых большевиков, добивавшихся немедленного устройства всероссийской коммуны? В. И. Ленин, кстати, отводил для этого жизнь и работу не одного поколения россиян.

Переступая через социальные фобии постлибералов и ностальгические позы посткоммунистов, выйдем на поле многолетнего научного

дискурса, где революция в России предстает не как продукт идеологических заморочек, а как предмет исследований, независимых от групповых пристрастий. За минувшее столетие авторитетные ученые различных убеждений уже давно обосновали выводы о том, что Октябрьская революция детерминирована объективными условиями исторического развития. Они требовали решения аграрного и других социальных вопросов, ликвидации феодальных порядков, проведения глубоких демократических реформ. Как отмечает, например, историк В. Г. Бушуев, Октябрьский переворот был предопределен, а «главное, насущно необходимо, востребован и ожидаем народными массами» [5 . С. 35].

Объективная неизбежность социально-политических перемен осознавалась задолго до революции многими представителями правящей элиты российского общества, включая царских премьеров Н. Х. Бунге и С. Ю. Витте, которые усматривали призыв социализма в подъеме антимонархического движения [12. С. 486].

А «душитель» Первой русской революции П. А. Столыпин признал эффективным «социализм государственный, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты». Эта оценка содержится в той знаменитой речи П. А. Столыпина в Госдуме (10 марта 1907 г.), в которой он сказал о «противниках государственно-сти»: «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» [19].

Оценка социализма царским премьером знаменательна и заслуживает большего внимания, чем его крылатая фраза, популярная среди постсоветских политиков, поскольку знаменует поворот государственной политики царизма. Разумеется, Столыпин был убежденным монархистом. А его слова о социализме — лишь попытка предстать в роли защитника народа, хотя он спасал самодержавие, стараясь, по мнению Бушуева, «реформами сверху расчистить почву для развития капитализма по наиболее консервативному, “прусскому” пути, рассчитывая тем самым ускорить это развитие, избежав буржуазно-демократической революции» [5. С. 19].

Социально-экономические и политические реформы, проведенные на рубеже XIX—XX вв. под воздействием социал-демократических партий в Германии, Франции, Великобритании и других странах, обеспечили относительную стабилизацию капитализма на Западе. В России же этот период отмечен нарастанием революционной ситуации — тенденции, которую пытались переломить царские реформаторы.

Столыпинская реформа родилась не вдруг, под ударами революции 1905—1907 гг. Еще до нее в стране был проведен ряд умеренных социальных реформ: уменьшение налогового бремени крестьян, отмена подушной подати, запрещение труда малолетних в промышленности, установление предельной продолжительности рабочего дня, создание института фабричных старост. Однако ни эти меры, ни более радикальные реформистские инициативы Столыпина не предотвратили Первую русскую революцию, а затем и Вторую, покончившую с царской монархией. Обе эти революции породил социал-либерализм, с которым большевики, эсеры и другие левые организации не могли тогда конкурировать.

Социальные противоречия, раздиравшие российское общество, крайне обострила Мировая война. Царский режим был неспособен справиться с ними. Последний председатель Думы М. В. Родзянко, констатируя, что «пропасть между правительством и обществом усугублялась и расширялась», писал, что «бюрократический абсолютизм и полицейский режим» представляли собой «отживший государственный строй», которому «не хватало... смелости размаха», чтобы спасти Россию [16. С. 8].

К началу 1917 г. революционная ситуация накалилась до предела. 27 февраля Родзянко направил Николаю II паническую телеграмму: «Настал последний час, когда решается судьба Родины и династии» [16. С. 59]. Но время ушло.

27 февраля (12 марта) всеобщая забастовка в Петрограде переросла в вооруженное восстание. Тут же явились либералы со своими альтернативами. В Петрограде был создан Временный комитет Государственной думы, который сформировал Временное правительство. 2 (15) марта 1917 г. император отрекся от престола. Впервые в истории России государственная власть оказалась в руках либералов. Далее все пошло, как в истории города Глухова, когда очередной градоначальник «дал либерализму новое направление, которое можно назвать центробежно-центростремительно-неисповедимо-завиральным. Но это был все-таки либерализм, а потому и он успеха иметь не мог, ибо уже наступила минута, когда либерализма не требовалось вовсе... А отсюда до революции — один шаг!» [17. С. 468]. И этот шаг был сделан.

Либералы, получив от прежнего режима власть, не удержали ее. Этого и не могли сделать мягкотелые и трусоватые политики, некомпетентные министры, растерянные генералы. Власть закономерно взяли большевики, имевшие ясную программу действий, крепкую организацию, политическую волю и решимость. В сложившейся ситуации не нашлось иных политических сил, способных спасти Россию от надвинувшейся катастрофы.

Под покровом легенд и мифов. Революция глазами современников

Без революционного насилия, указывал Ленин, невозможно победить, сломить сопротивление эксплуататоров. «А с другой стороны, — писал он, — революционное насилие не может не проявляться и по отношению к шатким, невыдержанным элементам самой трудящейся массы» [11. С. 117].

Неотделима от насилия и контрреволюция, направленная на сохранение или реставрацию общественно-политического порядка, уничтоженного или надломленного в ходе революционных преобразований. Обе стороны противоборства неизменно прибегают к террору как крайней форме насилия, которая характеризуется произволом вооруженной силы, беспредельной жестокостью, нагнетанием атмосферы страха. Всякая революция порывает с правовым порядком и моральными ценностями общественного строя, против которого она направлена, и это

уводит ее по ту сторону добра и права. Гражданская война погрузила в кровавый террор всю страну. К нему прибегали все ее участники: красные, белые, зеленые. Его широко использовали правительства, выступавшие от имени Учредительного собрания, которые в основном состояли из эсеров, меньшевиков, представителей близких им группировок и потому именовались «демократическими» или «розовыми». Их власть функционировала в Поволжье, Сибири, на Урале, Севере, на «национальных окраинах» бывшей империи.

Где следует искать истоки насилия? Прежде всего в самой российской истории. Продолжим нарратив живыми свидетельствами очевидцев и участников революции, впечатления и мысли которых рассеивают туман, наведенный на нее советскими легендами и мифами. «Буревестник революции» Максим Горький связывал бедствия Гражданской войны с темными сторонами сознания, бытия и психологии соотечественников. С душевной болью писал он в 1918 г. в «Несвоевременных мыслях»: «Мы, Русь — анархисты по натуре, мы жестокое зверье, в наших жилах все еще течет темная и злая рабья кровь — ядовитое наследие татарского и крепостного ига — что тоже правда. Нет слов, которыми нельзя было бы обругать русского человека — кровью плачешь, а ругаешь, ибо он, несчастный, дал и дает право лаять на него тоскливым собачьим лаем, воем собаки, любовь которой недоступна, непонятна ее дикому хозяину, тоже зверю» [6. С. 145].

В отличие от всех прошлых революций, включая Февральскую, Октябрьская началась бескровно. День революционного переворота, открывший новую историческую эпоху, прошел буднично, почти незаметно для жителей Петрограда. Один из лидеров кадетов А. С. Изгоев вспоминает, что большевистский переворот 25 октября «в первые дни на широкие круги петроградского населения не произвел никакого впечатления». Многие относились к нему иронически. Да и некоторые вожди вели себя весьма неуверенно: «Мало кто верил, что эта оперетка продлится более двух-трех недель. Многие из захватчиков сами были насмерть перепуганы тем, что сделали. Зиновьев, Луначарский, Рыков, Милютин и др. пользовались первым попавшимся случаем, чтобы, ссылаясь на разногласия с большинством своего Центрального Комитета, уклониться от власти и ответственности. Не дрогнули Ленин, Троцкий, несколько рядовых военных, входивших в состав Военно-Революционного комитета» [8. С. 20].

Так видятся события глазами контрреволюционера. Но вот свидетельство его политического противника Л. Д. Троцкого, руководившего восстанием вплоть до появления вечером 25 октября в штабе революции Ленина. Буржуазная пресса, свидетельствует он спустя восемь месяцев после переворота в брошюре «Октябрьская революция», так много кричала о близком восстании, о разгромах, о неизбежных реках крови, что не заметила того, что произошло на самом деле. «Тем временем без хаоса, без уличных столкновений, без стрельбы и кровопролития одно учреждение за другим захватывалось стройными и дисциплинированными отрядами солдат и матросов и красногвардейцев по точным теле-

фонным приказам, исходившим из маленькой комнаты в третьем этаже Смольного Института» [20. С. 73].

Автор упоминает «два-три» пушечных выстрела из Петропавловской крепости и несколько одиночных винтовочных по Зимнему дворцу. Ни слова о «залпе “Авроры”» или о «штурме» Зимнего. Ничего удивительного. Каждое великое событие порождает легенды и мифы. Так холостой выстрел превращается в легендарный «Залп “Авроры”», бескровная оккупация правительственной резиденции — в мифический «Штурм Зимнего», какой-нибудь атаман грабительской шайки — в «Героя Революции». Легенда и миф — наивысшая формы пропаганды. Ибо жизнь в них — не суетное имиджмейкерство или предвыборный пиар, а существование в эпохе, жизнь в веках, более того — в вечности.

Лишь судьбоносные для всей страны события возвышаются до таких вершин бытования в истории. Для этого недостаточно совершить революционный переворот, взять власть, победить в гражданской войне. Большевики сделали гораздо больше — повернули ход не только российской, но и всей мировой истории.

Лишь судьбоносные для всей страны события возвышаются до таких вершин бытования в истории. Для этого недостаточно совершить революционный переворот, взять власть, победить в гражданской войне. Большевики сделали гораздо больше — повернули ход не только российской, но и всей мировой истории.

В порядке отступления заметим, что параллельно коммунистическому миру мифов и легенд либеральная пропаганда выстроила виртуальный антимир, представляющий страну Советов как вместилище мирового зла, которым заправляют коммунисты — антигерои XX в.

Реальные исторические события развеивают ядовитый туман этой мифологии. Одним из таких событий явилась победа СССР над гитлеровским фашизмом. Она спасла от порабощения не только социалистическое государство, но, по иронии судьбы, и антикоммунистическую Европу. Как писал английский историк Э. Хобсбаум, «историю XX века нельзя понять без русской революции и ее прямых и косвенных последствий. Фактически она явилась спасительницей либерального капитализма, дав возможность Западу выиграть Вторую мировую войну против гитлеровской Германии, дав капитализму стимул к самореформированию, а также поколебав веру в незыблемость свободного рынка...» [22. С. 96].

Взяв власть, большевики усмирили революционную стихию и региональный сепаратизм, решили неподъемные для либералов

социально-экономические проблемы. С запредельным упорством, переступая через все традиции государства, они использовали ее для коренного переустройства общества. Страна Советов смогла сохранить почти в целостности территорию империи, отразить иностранную интервенцию, восстановить экономику и развить ее до уровня второй экономической державы мира, добиться военно-стратегического паритета с США и НАТО, открыть человечеству дорогу в космос, выйти на мировой уровень развития науки и культуры. Строительство социализма происходило в парадигме революционной борьбы. Промышленная и культурная революции, пятилетки в четыре года, битвы за урожай, штурм космоса заполняли героические будни строителей социализма. Поднять массы на трудовые подвиги можно было только путем мобилизации.

Великая Октябрьская — незавершенная революция?

Как эпохальное событие революция одержала триумфальную победу. Но победила ли Великая социалистическая революция как процесс, призванный историей исполнить великий проект?

Сталинская Конституция 1936 г. зафиксировала «полную победу» социализма в СССР. XXI съезд КПСС в 1959 г. провозгласил «полную и окончательную победу» и начало «развернутого строительства коммунизма». Стало быть, процесс завершен? Проект выполнен? Вперед к коммунизму!

Еще в начале 1930-х гг. русский философ Г. Федотов отмечал, что истина перестала быть путеводным ориентиром для коммунистов, «приобрела чисто служебное, или тактическое, значение для генеральной линии», а потому «история не может угнаться за политическим заказом, меняющимся каждый день» [21. С. 36—37].

В светлых поисках идеологических новаций теории «научного коммунизма» утратили способность адекватно оценивать возможности продвижения к «светлому будущему». В послевоенных переменах, оценивавшихся партийными идеологами как достижения СССР, они увидели гарантии необратимости этого процесса: выход из капиталистического окружения, превращение социализма в мировую систему, распад колониальной периферии империализма. Пытаясь обогнать время, эти идеологи попадали в ирреальный мир иллюзий. Разумеется, им чужда была мысль Бердяева о том, что революция «никогда не бывает такой, какой должна быть», поскольку она всегда «есть рок народов и великое несчастье» [2. С. 257]. О том, что происходило в СССР вне внимания и помимо воли правящей элиты, пишет советолог А. Юрчак: «Советская система постепенно становилась *отличной* от того, какой она сама себе казалась. Она становилась потенциально нестабильной, способной при определенных условиях неожиданно обрушиться» [23. С. 40].

Эти условия возникли на закате социализма, названного «развитым». Он стал выходить из теней идеологии, открылся массам как реальный, осязаемый, проверяемый «на глаз» и «на ощупь», — и массы взбунтовались. Они изверились в мифах о «светлом будущем», устали от вечного дефицита, лжи пропаганды, произвола властей. Они отвергли не социа-

лизм, а те непригодные для нормальной жизни людей способы и формы, в которых он осуществлялся. Крах советской системы развеял и иллюзии теоретиков «научного коммунизма». Более того, он заставил пересмотреть всю марксистско-ленинскую теорию общественного прогресса и даже поставить под сомнение самую реальность социализма в СССР. Так, по мнению Е. Г. Плимака и И. К. Пантина, «ни о каких “исторических предпосылках” социализма в России говорить вообще не приходится. “Социалистическим” был всего-навсего идеологический вектор, заданный “сверху” в Октябре 1917 г.» [15. С. 245].

С этим выводом можно согласиться, если судить о социализме в соответствии с ортодоксальным марксизмом, который допускает возможность социалистической революции лишь в относительно развитом буржуазном обществе со сложившимся рабочим классом. Однако за время после публикации Манифеста Коммунистической партии условия и предпосылки революции существенно изменились, сделав вывод политологов сомнительным. Хотя Октябрьская революция решила прежде всего задачи буржуазно-демократического характера, а рожденный ею общественный строй большевики поспешили назвать социалистическим.

Но ведь и капиталистическому он не только не подобен, но и противоположен. Пусть общественная собственность, на которой он базировался, была фактически государственной, а не «общенародной», это не был государственный капитализм. Это, если угодно, был недостроенный социализм. Он оформился в реальную социальную систему, реализованную институционально и поставленную на правовую базу. Развитие мировоззрения и политической структуры советского общества вполне отвечало положениям классического марксизма. Производственные отношения и распределение материальных благ основывались на равенстве граждан и вытекающем из него принципе социальной справедливости. Споры нет: это было равенство в бедности. Как отмечал в «Философии неравенства» Н. А. Бердяев, «уравнение в бедности, в нищете сделало бы невозможным развитие производительных сил» [3. С. 233].

Действительно, производительность труда в СССР была ниже, чем в развитых капиталистических странах. Но она остается такой же и сейчас, в условиях свободного рынка — через 25 лет после скачка на путь капиталистического развития. А вот вопиющие социальные контрасты, невозможные в советском обществе, стали обыденным явлением.

Но советский строй не только носил на себе «родимые пятна» капитализма, а сохранил, как отмечалось, существенные его элементы. Поэтому за одно лишь десятилетие «девяностых» государственная собственность большей частью перешла в частные руки, номенклатура перевоплотилась в клептократическую бюрократию, советское общество переплавилось в гибридный социум. Так недостроенный социализм стал основой первобытного капитализма [13].

Возникает проблема морального выбора: что лучше для масс? В конечном счете, революции происходят во имя их интересов и по их воле. Масса же, писал Бердяев, «всегда имеет пафос равенства, а не свободы.

И большими революциями всегда двигало начало равенства, а не свободы». Именно поэтому «в революциях никогда не торжествовал либерализм, который не выходит за пределы интересов личности: правда либерализма — формальная правда. Она ничего не говорит ни положительного, ни отрицательного в содержании жизни, она хотела бы гарантировать личности любое содержание жизни» [3. С. 142].

История, похоже, внесла поправки в бердяевские максимы. Либералы «восторжествовали» в ходе государственного переворота 1990-х гг., хотя «либеральная революция» была бы невозможна без многотысячных демонстраций москвичей. Антисоветский переворот проложил дорогу к свободному рынку, который по-своему решил проблему морального выбора. Новая власть выбрала свободу и устранила равенство. Между тем коммунисты не отделяли свободу от равенства, хотя и стесняли их догмами «научного коммунизма». В ситуации, где все продается и покупается, — включая свободу, власть и национальные интересы, — роль Морального кодекса строителя коммунизма, введенного XXII съездом КПСС в Программу партии, стал исполнять рыночный прейскурант. «Процесс пошел»: свобода обернулась безмерным произволом чиновников (число которых многократно увеличилось), ничем не ограниченной вольницей для проходимцев и жуликов разного типа, разгулом бандитизма. Дикий капитализм вызвал глубокое социальное расслоение, создав первую предпосылку революционных потрясений. Социальная стабильность и «морально-политическое единство» общества, достигнутые при социализме на основе равенства, ушли в прошлое.

Настало время великой смуты, сопоставимой со смутами начала XVI и XX вв., когда, как и в постсоветской России, в Кремле утвердились новые правители: в одном случае — первые цари новой династии, в другом — коммунистические вожди. В такие периоды социум впадает в состояние ресентимента — хаотического смятения умов и нравов. Россию в годы междуцарствия и семибоярщины, по словам историка В. О. Ключевского, охватило «тягостное, исполненное тупого недоумения настроение», когда «надломилась политические скрепы общественного порядка», но «оставались еще крепкие связи национальные и религиозные: они и спасли общество» [9. С. 46, 47].

Такого же рода связи — сакральные и патриотические — пытается сегодня наладить постсоветская власть, чтобы восстановить духовные скрепы с обществом наряду с их симулятивными институтами вроде Общественной палаты и общественных советов при министерствах. Замысел духоподъемный. Но, окунаясь в «светлое прошлое», не возвышается ли до «зияющих высот» (А. А. Зиновьев) общество, которое еще не оправилось после долгого и мучительного падения оттуда?

Не предотвратит ли очередную смуту советский опыт, который все еще довлеет над сознанием немалой части населения новой России? По данным одного из всероссийских опросов населения, 35% респондентов предпочли советскую политическую систему, и только 12% — либерально-демократическую западной модели, а 39% — существующую. Комментируя эти данные, социолог Ю. А. Красин заключает: «Тяга зна-

чительной части... населения к советскому опыту объясняется не только ностальгией, вызванной тяжелыми последствиями... реформации, но и эффектом спонтанной поддержки коллективным сознанием централизованной государственности как необходимого фактора консолидации российского общества» [10. С. 20].

Литература

1. **Аристотель.** Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4: Политика.
2. **Бердяев Н. А.** Смысл истории. Новое средневековье. М. : Канон, 2002.
3. **Бердяев Н. А.** Философия неравенства. М. : ИМА-ПРЕСС. 1990.
4. **Булгаков С. Н.** Христианский социализм. Новосибирск : Наука, 1991.
5. **Бушуев В. Г.** Свет и тени: от Ленина до Путина. Заметки о развилках и персонах российской истории. М. : Культурная революция, 2006.
6. **Горький М.** Несвоевременные мысли. М. : Интерконтакт, 1990.
7. **Достоевский, Ф. М.** Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1973. Т. 8.
8. **Изгоев А. С.** Пять лет в Советской России // Архив русской революции. Берлин : Слово, 1923. Т. X.
9. **Ключевский В. О.** Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3.
10. **Красин Ю. А.** Величие и трагизм советского «эксперимента» // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 1.
11. **Ленин В. И.** Речь на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1974. Т. 40.
12. Модели общественного развития общества России. XX век / отв. ред. В. В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2004.
13. **Оганисьян Ю. С.** Социализм как первая стадия капитализма. Опыт постсоветской России. М. : Современная экономика и право, 2015.
14. **Платон.** Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1994. Т. 4: Законы.
15. **Плимак Е. Г., Пантин И. К.** Драма российских реформ и революций (сравнительный политический анализ). М. : Весь мир, 2000.
16. **Родзянко М. В.** Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Берлин : Слово, 1922. Т. 6.
17. **Розин В. М.** Дискурс социальной справедливости : критический анализ // Вопросы философии. 2014. № 3.
18. **Салтыков-Щедрин М. Е.** Собрание сочинений : в 10 т. М. : Правда, 1988. Т. 2.
19. **Столыпин П. А.** Нам нужна Великая Россия... : Из речи П. А. Столыпина 10 марта 1907 г. Государственная Дума. Второй созыв. Сессия вторая. 1907 год. Стенографические отчеты. Т. I. СПб., 1907 // Столыпин П. А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном Совете. М. : Молодая гвардия, 1991.
20. **Троцкий Л.** Октябрьская революция : брошюра М. ; Пг. : Коммунист, 1918.
21. **Федотов Г.** Судьба и грехи России : в 2 кн. М. ; СПб., 1991. Кн. II.
22. **Хобсбаум Э.** Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914—1991). М. : Независимая газета, 2004.
23. **Юрчак А.** Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2014.
24. **Alexander J.** Robust Utopias and Civil Repairs // International Sociology. 2001. Vol. 16. № 4. ◆